

Юаньмань смотрел на мужчину перед собой.

Благороден, словно отшлифованный нефрит, безупречен, словно резцом высеченный узор.

Серая ткань одежды плотно облегла его тело, едва заметно очерчивая рельеф мышц на руках, и было видно, что у него широкие плечи.

— Нет-нет, я дорожу тобой больше жизни, правда! Особенно...

Говоря это, мужчина глупо улыбнулся, прищулив глаза, но вдруг словно что-то вспомнил и резко замолчал.

— Хорошо, помни о четырех правилах, о которых я говорил. Послезавтра ты отправишься со мной вниз с горы собирать подаяния. Я буду рядом. А теперь иди, продолжай помогать привратнику принимать гостей, я найду тебя позже.

Сказав это, Юаньмань ушел.

Закончив вечернее чтение сутр, Юаньмань вернулся в свою келью. Вспоминая встречу после обеда, он почувствовал, что совершенно выбился из сил.

Серо-карие глаза, неотрывно следившие за каждым его движением, заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке.

Будь то время трапезы или уход за мирянами — стоило Юаньманю обернуться, как этот человек неизменно обнаруживался где-то неподалеку, тихо наблюдая.

Лишь когда солнце склонялось к закату и восходила луна, он исчезал.

Но Юаньмань знал: этот человек превращался в одеяло...

Юаньмань достал из шкафа огниво и бережно зажег лампу, в которой оставалось всего треть фитиля. В месяц выдавали всего пять фитилей, приходилось экономить.

Он добавил горячей воды в таз с ледяной водой и опустил в него руки. Тепло приятно согрело озябшие пальцы. Умывшись, он снял верхнюю одежду, задул свечу и лег в постель.

Он почувствовал, как тепло одеяла постепенно разливается вокруг, согревая его тело до самого жара. Повернувшись на бок, он мысленно позвал Люлюлю:

— Тот ребенок у меня в животе... неужели он от этого духа одеяла?

— Верно. Хотя мы и называем это ребенком, на самом деле у тебя в животе семя. Срок его развития очень короток, но из-за того, что ты человек, процесс замедлился. Всего через пять месяцев ты естественным образом родишь этот плод. А потом достаточно будет посадить его в землю, бережно поливать, и через десять дней он примет облик ребенка.

— Вот как... Значит, до появления ребенка осталось четыре месяца?

Дух одеяла, излучая тепло, смотрел на спящего Юаньманя. Он был совершенно счастлив и ждал, когда тот уснет.

Посреди ночи Юаньмань во сне начал беспокойно ворочаться, подтянул колени к груди, и холодный воздух проник под одеяло, заставив его еще сильнее съежиться.

Дух одеяла тут же плотнее укутал его, накрыв собой целиком.

Увидев, что Юаньмань снова расслабился, дух замер.

— Цветы полюю я, а ты посиди, почитай сутры.

Дух одеяла выхватил из рук Юаньманя тяжелое ведро вместе с ковшом.

— Почтенный мирянин, нельзя же так отбирать работу у Юаньманя. Если вы хотите чем-то помочь, позвольте мне доложить настоятелю?

Мимо проходил другой послушник и, увидев эту сцену, не смог промолчать.

— Я просто хочу, чтобы он отдохнул, хочу взять его работу на себя, разве нельзя? Я справлюсь не хуже, вам это никак не помешает. Раз не мешаю, зачем вы вмешиваетесь? — ответил дух.

— ...Так нельзя. У каждого свои обязанности. Спроси Юаньманя, согласен ли он, чтобы ты делал его работу?

Дух посмотрел на Юаньманя с таким видом, будто готов был вспылить, если тот откажет.

Юаньмань:

— ...Почтенный мирянин, как вас зовут?

Казалось, он до сих пор не знал, как обращаться к этому духу одеяла.

Тот опешил. Кроме как Хлопком, его никак не называли. Поломав голову, он решил просто разделить слово Хлопок на части.

Разгладив брови, он сказал:

— Е Бо. Зови меня просто А Бо.

— Господин А Бо, эту работу я сделаю сам. Если хотите чем-то заняться, позже я отведу вас к настоятелю, пусть он распределит для вас послушание, хорошо?

Юаньмань попытался забрать ведро, но мужчина вцепился в него мертвой хваткой — забрать было невозможно.

— Нет.

Е Бо оказался на удивление упрямым и твердо стоял на своем.

— Тогда пойдем на компромисс: вы отнесете это туда, а остальное я полью сам, договорились?
— предложил Юаньмань.

— Хорошо, но я буду смотреть, как ты поливаешь.

Подумав, Е Бо все же согласился.

Юаньмань забрал ковш и принялся бережно поливать цветы и деревья.

— Есть ли у вас какие-то дела позже?

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Обычно цветы не поливали — всё в мире движется по кругу, и небо само посылает дождь. Но уже десять дней не было осадков, поэтому приходилось поливать вручную.

— Дел нет, буду просто смотреть на тебя. Юаньмань, ты устал?

Е Бо пристально смотрел на Юаньманя, готовый в любую секунду выхватить у него ведро, как только тот покажет признаки усталости.

— Не устал. Но мы можем поговорить. Господин А Бо, как вы думаете, к чему стремится человек в этом мире?

Полив очередное дерево, Юаньмань нарушил тишину.

— К счастью. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Ты сейчас счастлив?

Е Бо ответил мгновенно, и в его глазах вспыхнул такой яркий свет, что это было даже пугающе красиво.

— Ами табха, мирянин, я счастлив. Каждый день с братьями по учению, утренние и вечерние

службы, чтение сутр, повседневные дела — дни пролетают, и мне совсем не скучно. Но я спрошу вас: зачем вы всё время ходите за мной? Что ж, работа закончена. Пойдемте к настоятелю?

Е Бо не возражал.

К настоятелю обычных людей не пускали, поэтому внутри было очень тихо.

— Амиабха, Юаньмань, ты привел этого мирянина, что случилось?

Настоятель медленно открыл глаза, отложил четки и посмотрел на почтительного Юаньманя и стоящего рядом мужчину в сером.

— Этого мирянина зовут Е Бо. Я заметил, что ему по душе жизнь в нашем монастыре, и привел его к вам. Посмотрите, настоятель, есть ли у него склонность к Будде?

Подразумевалось: если есть склонность и ему нравится, может, стоит оставить его здесь на несколько дней, чтобы он приобщился к монашеской жизни и тем самым избавился от своей одержимости.

Настоятель внимательно посмотрел на Е Бо.

Правильные черты лица, в глазах — искра, хороший материал.

— В монастыре свои правила, нужно следовать учению. Намо Амиабха. Если мирянин хочет испытать монастырскую жизнь, пусть поживет в обители месяц. Как ты на это смотришь?

— Хорошо, — ответил Е Бо, глядя на Юаньманя.

Чтобы Юаньмань лучше адаптировался к новой жизни, настоятель дал ему новое имя — Юаньси.

Оно означало надежду на то, что он будет прилежно учиться и постигать истину с искренним и сосредоточенным сердцем.

Одним утром Юаньмань очень серьезно сказал Е Бо:

— Сбор подаяний — это «причина и условие для просветления». Позволяя мирянам жертвовать монахам чашку риса или воды, мы завязываем с ними духовную связь, даем им услышать Дхарму и посадить семена добродетели. Опираясь на силу Трех Драгоценностей, они могут освободиться от цикла перерождений. Для мирян это великая честь.

— Причинно-следственная связь — вещь удивительная, ты сам это поймешь. При сборе подаяний помни о трех запретах: не просить после полудня, не брать денег, не обходить более семи дворов. Мы сейчас выходим. То, что у меня в руках, называется посохом кхаккхарав, позже я расскажу подробнее.

Е Бо ответил:

— Я отведу тебя в хорошее место, не надо так мучиться, это слишком хлопотно.

В его серых глазах была такая искренность, что Юаньмань вздрогнул, но все же опустил веки.

Прищурившись, он произнес:

— Ами табха, Юаньси. Раз ты решил остаться в монастыре Болин, ты должен подчиняться правилам и следовать учению.

В этой серьезности, в отличие от легкомыслия Е Бо, чувствовалась глубокая вера Юаньманя.

Он добавил:

— Ты человек, одаренный духовной силой, тебе будет легче постичь учение, чем остальным. Я надеюсь, что впредь ты не будешь так говорить и по-настоящему вольешься в нашу общину.

Е Бо посмотрел на Юаньманя и, желая сделать ему приятное, проглотил возражения:

— Хорошо, как скажешь.

В конце часа Дракона (около 9 утра) Е Бо привел Юаньманя на оживленный рынок.

Рынок был полон шума, повсюду раздавались крики торговцев.

— Каждый монах собирает подаяния в разных местах. Я привел тебя в то, что поближе: перейдем здесь, повернем за угол, пройдем еще немного — и скоро будем на месте.

Юаньмань указал пухлым пальцем вперед, стараясь приободрить спутника.

— Ты помнишь три запрета, о которых я говорил?

— Не просить после полудня, не брать денег, не обходить более семи дворов, — Е Бо ответил быстро, почти сразу, как Юаньмань закончил фразу.

— Отлично, вижу, ты внимательно слушал. Посох кхаккхарав еще называют посохом звука. Посмотри на него. Форма состоит из трех частей: верхняя, головка посоха, сделана из олова, железа или других металлов, имеет форму пагоды и украшена большим кольцом, к которому прикреплены маленькие. При движении они издадут звон. Средняя часть — деревянная, нижняя — из бронзы, железа или кости.

Юаньмань встряхнул посох, и тот, отливая золотом на солнце, зазвенел. На кольце было семь или восемь подвесок, при малейшем движении раздавался звук, подобный шелесту бамбука под ветром.

В этом мире духовная энергия была не слишком обильной, но и не дефицитной. Стать духом, подобно этому одеялу, теоретически было невозможно. В этом мире Юаньмань был словно ошибка в системе.

И эта ошибка позволила духу одеяла найти лазейку...

Юаньмань отогнал мысли. Ему больше хотелось узнать, как именно этот дух одеяла умудрился оставить семя у него в животе.

Он спрашивал Люлюлю, но та ответила: спрашивай сам духа одеяла. После этого у него пропало всякое желание продолжать расспросы.

Он выдохнул и поднял взгляд на Е Бо.

— Знаешь ли ты легенду: «Сияющая жемчужина освещает путь в рай, посох кхаккхарав отворяет врата ада»? Это символизирует священную силу посоха. Будда говорил, что посох служит для тех, кто ищет мудрость, кто много учится, чтобы различать добро и зло, деятельное и недейтельное. Вот в чем его смысл.

Для Е Бо эти глубокие слова были темным лесом, но ему казалось, что Юаньмань, произнося их, выглядит невероятно красиво.

Ему даже нравилось быть таким покорным — видеть одобрение в глазах другого, видеть его очаровательную улыбку. Этого было достаточно.

Он найдет свой способ защитить его, даже если тот не примет этого. Неважно, ведь Юаньмань все равно не сможет без него.

Он делал вид, что внимательно слушает, глядя на Юаньманя, но из-за разницы в росте его взгляд, хотя и был направлен на Юаньманя, то и дело опускался на его живот.

Юаньмань почувствовал, как по спине пробежали мурашки от этого нежного, обволакивающего взгляда, и невольно отступил на шаг.

Разве не должен взгляд духа, слушающего слова Будды, быть исполненным благочестия?

Будучи духом, разве он не должен верить в Будду больше, чем обычные люди, чтобы под его руководством принять веру, совершенствоваться и, возможно, однажды вознестись?

Вдруг ветер донес тревожные крики людей с рынка, которые в одно мгновение, словно взорвавшийся фейерверк, стали резкими и испуганными.

— Господин премьер-министр едет, посторониться! Всем уйти с дороги, кто не хочет умереть!

Звук приближался, поднимая пыль, словно смерч.

Улица была небольшой, шириной чуть больше трех с половиной метров. Карета занимала добрую половину, а с охраной места почти не оставалось.

Е Бо сузил глаза, мгновенно притянул Юаньмана к себе, отступил назад и прижался к стене.

Естественный отбор — инстинкт любого существа.

Е Бо был таким же: он упорно выживал и остро чувствовал дыхание сильных мира сего.

Этот человек был опасен. Хотя в нем не было особой силы, над его головой сияло оранжевое свечение — признак того, что человек всю жизнь будет богат, знатен и благополучен.

Даже в узком проходе пыль, поднятая копытами коней, была неизбежна.

В этот момент Е Бо, совсем не проявляя «глупости» (о которой говорила Люлюлю), очень заботливо развернул Юаньмана лицом к своей груди, прикрыв его, а другой рукой защитил от пыли.

— Этот монах довольно забавен.

Шторка кареты премьер-министра была приподнята. Дорога была длинной, он утомился сидеть внутри и решил смотреть на пейзаж.

— Господин, хотите остановиться и расспросить его? — спросила девушка в розовом, выглянув из окна и увидев лишь мелькнувший зеленый силуэт.

— Нет нужды, сначала нужно успеть туда, — сказал премьер-министр холодным тоном, покрутив нефритовое кольцо на пальце.

Е Бо посмотрел на Юаньмана и с тревогой спросил:

— Как ты? Все в порядке? Ничего не болит?

— Все хорошо, не волнуйся, — ответил Юаньмань. Посмотрев на Е Бо, он увидел, что его лицо испачкано пылью.

Юаньмань стер пыль с его лица и сказал:

— Юаньси, спасибо за сегодня. Юаньмань перед тобой в долгу.

— Тогда продолжим собирать подаяния? Как это делается? — спросил Е Бо, желая еще больше угодить Юаньманю.

Собирая подаяния с Е Бо, Юаньмань хотел не только получить пропитание, но и познакомить его с миром — в конце концов, тот был всего лишь духом одеяла.

Например, он объяснял ему ценность медной монеты.

За одну монету можно купить овощную булочку, за две — мясную. Тридцать монет — это связка, пятьдесят — серебряная монета, сто — золотая.

Захудалое жилище стоит сто пятьдесят золотых. Обычный простолюдин должен копить на него десять лет, отказывая себе во всем.

Ведь за год тяжелого труда обычный человек зарабатывает всего двадцать золотых, не считая расходов на еду и нужды.

Поэтому, когда Юаньмань вспомнил, что в деньгах, которые Е Бо всучил ему, были банкноты на тысячу золотых, он невольно онемел.

Конечно, монахи тоже получали небольшую сумму в год. Юаньмань, например, получал один золотой. Эти деньги можно было тратить только в полдень во время сбора подаяний.

А к часу Обезьяны (15:00) нужно было вернуться в монастырь.

Путь занимал полчаса.

Будда говорил, что в сердцах смертных много привязанностей и желаний. Эти привязанности — словно дырявый ковш, поэтому наши сердца никогда не наполнятся заслугами и истиной.

Так что даже верующие монахи не всегда свободны от мирских стремлений.

Тех, кто достигает истинного отсутствия желаний, очень мало, и обычно это люди с великими заслугами.

Эти деньги были своего рода испытанием для монаха.

Если не справился — ничего страшного перед Буддой, а если справился — Будда в небесах все запишет в книгу заслуг.

Сегодня Юаньмань постучал в четыре дома, прежде чем получил еду и воду.

Дверь открыла молодая женщина и приветливо пригласила их войти.

— Почтенные мастера, простите за убогость жилья.

Женщине было около двадцати, она была миловидна, а ее одежда была в четырех или пяти местах аккуратно заштопана.

— Амитабха, мирянка, не стоит извиняться. Ваше доброе сердце Будда видит, и дарует вам здоровье и благополучие.

Юаньмань окинул взглядом дом: чисто, уютно, видно, что хозяйка очень старалась.

— Дома только это, остальное в котле доходит. Муж скоро вернется, он будет очень рад вас видеть.

Женщина поставила угощение на деревянный стол.

Она также налила две чашки воды и поставила перед Юаньманем и Е Бо.

На обед была тыквенная похлебка и тофу с зеленым луком — простая, но очень свежая на вкус пища, видно было, что готовилась с любовью.

— Как ваши монашеские имена? — спросила женщина после недолгого раздумья.

— Меня зовут Юаньмань, его — Юаньси. Мы из монастыря Болин, что неподалеку.

Юаньмань ответил и невзначай спросил:

— Вы ведь бывали в монастыре Болин?

На стене висел мешочек для молитв о ребенке. Спустя много лет он потерял свою изысканность, и аромат давно выветрился.

Юаньмань узнал его — такие мешочки освящали в монастыре для женщин, которые не могли забеременеть.

Женщина кивнула с улыбкой:

— Да. Видите этот мешочек? Я вымолила его пять лет назад. Мне было восемнадцать, я была замужем два года, но детей все не было. Свекровь уже хотела подложить мужу наложницу, но я сходила в монастырь, помолилась — и через три месяца забеременела.

Юаньмань сказал:

— У вас есть связь с ребенком и с Буддой. Это был неизбежный результат.

— Тыквенные паровые булочки в котле готовы, сейчас принесу. — Женщина поспешила на кухню.

В комнату вошел мужчина с бронзовой кожей и крепкими мускулами, на плечах у него сидел мальчик лет трех-четырех.

— Муж, ты вернулся! Познакомься, это мастер Юаньмань и мастер Юаньси из монастыря Болинъ. Ю-эр, ты хорошо поиграл?

— Да! — радостно рассмеялся мальчик.

Юаньмань посмотрел на Е Бо. Тот смягчился — он ведь давно знал, что в животе Юаньманя его семя, и молчал только потому, что боялся напугать его.

Юаньмань иногда хотел поддразнить Е Бо, но понимал его серьезность: стоит тому зайти слишком далеко, как это превратится в одержимость.

— Мастера, доброго дня! Отдохните в нашем скромном доме подольше.

<http://bllate.org/book/22156/2307886>